

«ПЕРЕЖИТОЕ НЕ ПЕРЕДАТЬ СЛОВАМИ...»

Берестовичанка Надежда Дорошкевич вспоминает военные годы

Заведующая школой

В далеком 1940-м году в деревню Диневици Крынковского района приехала учительница – молодая девушка. Впрочем, скорее ребенок: вчерашнюю восьмиклассницу, 14-летнюю Надежду Суханову (это после войны ученики ее будут знать как Дорошкевич) в составе группы более чем из 200 человек, самых успевающих, из Шумилинского и Оршанского районов Витебской области прислали на работу в Западную Беларусь. Кадров не хватало, а учить детей русскому и белорусскому языкам, работать учителями в школе надо было. Дети на территории Западной Беларуси, если и учились до 1939 года, то на польском языке.

Новоиспеченные учителя окончили небольшие 2-месячные курсы, и поначалу не умея еще грамотно планировать и проводить урок, приступили к работе. Наде помогала старшая сестра, уже работавшая директором школы, она в письмах старалась передать ей свой педагогический опыт.

В работе, как всегда, трудностей хватало, тем более что начинать всегда тяжело, но это было преодолимо.

– Окончился мой первый учебный год в качестве заведующей школой. Учителя уже уехали в отпуск, а я должна была подготовить школу к новому учебному году: отремонтировать классы, родители заготовили торф для отопления здания в холодное время – накопили и насушили его, – вспоминает Надежда Денисовна. – Я тоже собиралась домой, в субботу съездила в Белосток, купила на отложенные деньги подарки для родственников – мне хотелось порадовать своих родителей, сестер и братьев, которых давно не видела.

Оккупанты

– В воскресенье 22 июня 1941 года я должна была уезжать со станции Берестовица сначала на Волковыск, а потом и на Витебск. Но утром в 9 часов возле школы в Диневицах взорвалась первая бомба, и тут же на новых блестящих мотоциклах появились немцы, одетые с иголки. И сразу же к школе: «Где учитель?» Конечно же, солтыс повел их ко мне, – с волнением рассказывает моя собеседница. – Меня всю перетрясло, в ужасе я думала, что меня расстреляют, но они посмотрели на меня и поехали дальше.

Юная девочка, и так попавшая, как тогда считалось, за границу, за полтысячи километров от родителей, родственников, да тут еще и война... Что делать? Как жить?

– Немцы стояли в Голынке, Рудае, комендатура была в Большой Берестовице. В Рудовлянах и Хомонтовцах солдаты с собаками ходили, все партизан вылавливали. У местных всегда что-нибудь забирали, грабили: «Матка, млеко, яйка!» Каждый приезд чужеземцев – это жуткий страх, потому что часто сопровождался расстрелом жителей. А к тем, что не местные, особое отношение, нас, “советок”, первым делом трясут, в домах проводили обыск, в сараях все переворачивали.

Партизаны

– В Диневицах школу закрыли, а есть что-то надо, пошла за няньку. Через несколько месяцев я попала в Хомонтовцы. Хозяин дома держал связь с партизанами, он установил на чердаке радиоприемник, я должна была слушать советские передачи, сводки Совинформбюро и рассказывать партизанам. Он также снабжал их оружием.

Однажды, когда в деревне завязалась перестрелка между немцами и партизанами, все настолько было непонятно, кто где находится, мне дают задание разобраться, где засели немецкие солдаты. На дворе ночь. Сильный мороз. Жители украдкой из-за занавесок выглядывают. Но надо идти. Всю трясет, наверное, больше от ужаса, чем от холода. Перебегая от дома к дому, подсмотрела, где немцы, рассказала партизанам. Чуть живая вернулась в дом....

– У многих хозяев в Хомонтовцах жили наши военные, их было полтора десятка, по разным причинам отставших в той неразберихе первых дней войны от своих частей: раненые, окруженные. Они должны были отмечаться в комендатуре. Позже эти мужчины ушли в лес, но иногда в деревню за помощью обращались. Я была одной из связных: мы записки носили в указанное место, другие поручения выполняли.

Зимним утром 42 года, уже светало, сижу возле окна, вяжу. Вижу – Яша-украинец пришел к нам за продуктами. И тут облава. Ему деваться некуда, он прячется в колодец. Там намерзло много льда, еле ведро проходило. Он туда залез. Надо же в этот момент прийти соседке через дорогу за водой, и солдаты заметили, что она подошла к колодцу и, не набрав воды, повернулась к дому. Окружили “журавель”, хохочут. Вытащили Яшу, мокрого. Я же оцепенела – никогда не думала, что ноги могут “прирасти” к полу: слова не могла проговорить, пришла в себя, только когда старушка, что жила в доме, брызнула в лицо водой. Яшу расстреляли. Судя по тому, что и меня и хозяев немцы не тронули, он не выдал, к кому приходил в деревню. Страх преследовал людей ежедневно, это продолжалось не один день и не один месяц...

– Еще одна опасность была – молодых людей, не состоящих в браке, угоняли в Германию. Когда узнавали, что человек попал в эти списки, в семьях по ним голосили как по покойникам, и чтобы спрятать, старались отправить в другую деревню к родственникам. А меня кто и куда отправит, родственников здесь не было. Меня спас от Неметчины Вацлав Павлович,

предложив выйти за него замуж. Я согласилась, и мы с ним сразу обвенчались.

Освобождение

– Все жители Рудовлян, где я жила с родителями мужа, выкопали землянки. Уже в 44-м году, когда немцы отступали, наша семья там спряталась, но как раз началась перестрелка, и мы оказались в эпицентре: наши возле Лепесов, немцы – возле Хомонтовцев. Мы сидим с ребенком маленьким, жара невыносимая. Когда упал снаряд, все повыскакивали и побежали к своим, при звуке следующего сраряда – муж своим телом закрывает ребенка от осколков... Кто корову ведет, кто лошадь. Бегут, падают...

– Как я узнала после войны, мои родственники не ожидали меня увидеть в живых: на строительстве кватерского аэродрома работал мой земляк. Он сумел в начале войны вернуться в родную деревню и рассказал, что с “советками” немцы не церемонятся. Уже после освобождения я смогла послать им весточку.

Когда война продвинулась на запад, люди с облегчением вздохнули. Понемногу стали отстраиваться, восстанавливать хозяйство. В Голынке начала работу семилетняя школа, в Рудовлянах – начальная, там мы сначала работали. Не было ни чернил, ни бумаги, ни учебников. Теперь это трудно вообразить. Учили писать на газетах. Когда Рудава и часть Рудовлян отошли за границу, Надежда Денисовна с мужем стали работать в Тетеревке, там было 2 классные комнаты, и еще занимались в жилом доме неподалеку. Потом построили старую школу на станции Берестовица, еще позже появилась новая, и уже здесь супруги работали до пенсии.

Диктора Юрия Левитана, которого слушала в годы войны по радио, а затем рассказывала партизанам новости с фронтов, Надежда Дорошкевич увидела в конце 50-х годов на встрече в Пограничной школе. Ей он показался маленьким, худеньким, но речь произвела незабываемое впечатление – не зря его называют голосом Победы.

– Я с благодарностью вспоминаю тех людей, которые помогали мне в то страшное время. Когда начинаю вспоминать, расстраиваюсь, плачу. Сколько пришлось пережить. Так, как сама прочувствовала, это передать нельзя. И не дай Бог что-нибудь подобное видеть, пережить – ежедневный страх смерти, гибель людей, их страдания.

Светлана Грибанова, фото из архива Надежды Дорошкевич
2021 год.

